

НЕБЕСНАЯ СТАЯ

ОТБОР КРЫЛЬЕВ

ДАРИ ДЕМ

18+

Дари Дем

Небесная стая: Отбор крыльев

<https://litres.ru/73998028>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, парящем над Облачной Бездной, крылья решают всё. У Эйры Вейн их нет. Она — Бескрылая, дочь казнённого генерала, изгой с нижних ярусов. Когда приказ зачисляет её в Академию Небесной Стаи, отказаться нельзя: в конверте лежит записка — «Твоя мать жива».

Академия встречает её насмешками. Здесь каждое испытание — шаг над пропастью, где ошибка означает смерть, а магия не спасёт от ловушек древней твердыни. Чтобы выжить, Эйра собирает вокруг себя таких же отверженных. Но чем дальше, тем труднее понять, кто друг, а кто враг. Один предлагает покровительство — его улыбка тепла. Другой когда-то унизил её перед всем курсом, а теперь предупреждает: за этой улыбкой скрывается то, о чём она пожалеет.

В Академии, где каждый хранит секреты, а враги носят маски друзей, Эйре предстоит узнать правду. О матери. О себе. И о том, что скрывается под облаками.

Для поклонников «Четвёртого крыла», «Серебряной элиты» и «Искры вечного пламени».

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Конверт	8
Глава 2. Стриж	16
Глава 3. Остров академии	25
Глава 4. Главнокомандующий Альцион	35
Глава 5. Прыжок веры	41
Глава 6. Первое унижение	46
Глава 7. Урок истории	52
Глава 8. Столовая	60
Глава 9. Отряд отверженных	68
Глава 10. Учебная дуэль	74
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Дари Дем Небесная стая: Отбор крыльев

Пролог

Ветер дул с юга, тёплый и влажный, пахнувший водорослями с Облачного Моря и чем-то ещё — едва уловимым, сладковатым, как гниющие цветы. Эйра забралась на крышу старого ангара за час до заката и с тех пор не шевелилась. Отсюда, с высоты Четвёртого яруса, Край был виден как на ладони.

Край — так называлась площадка для ритуала на восточной оконечности их острова. Ровный каменный выступ, отполированный тысячами босых детских ног за двести лет. Ни перил, ни ограждений — только камень и пустота. За триста метров под ним начиналось Облачное Море.

Внизу собиралась толпа. Человек двадцать — родители, родственники, жрец в сером балахоне с серебряным шитьём по вороту, пара зевак с соседнего острова, прилетевших поглазеть на чужое счастье. На Краю стояла девочка. Лет семи, не больше. Белые волосы до плеч трепал ветер. Руки прижаты к бокам. Спина прямая как струна — её явно учили, как

стоять перед прыжком.

Эйра знала, что сейчас будет. Она видела этот ритуал десятки раз. Но каждый раз сердце сжималось одинаково — медленно, мучительно, словно кто-то сдавливал его в кулаке.

— ТРИ! — голос жреца разнёсся над пропастью, усиленный магией воздуха.

Девочка сделала шаг вперёд. Пальцы босых ног повисли над пустотой.

Эйра задержала дыхание.

— ДВА!

Гул толпы стих. Даже ветер, казалось, притих. Мать девочки, стоявшая у края площадки, прижала ладони к лицу.

Эйра смотрела на девочку и думала о своей матери. О том дне, когда она сама должна была стоять на этом Краю.

Ей было шесть. Она помнила тот день урывками — запах гари из мастерской (Болт сжигал старые чертежи, которые никто не купил), мамины руки в масле, её голос: «Ты не такая, как они. Твоё время ещё не пришло». Потом мать обняла её и заплакала. Она редко плакала. Эйра запомнила именно это: солёные капли на маминых щеках и странное чувство, что с ней что-то не так. Что она — ошибка, которую нельзя исправить.

Больше они к этому разговору не возвращались.

— ОДИН!

Девочка прыгнула.

Эйра подалась вперёд, вцепившись пальцами в ржавый

край крыши. Маленькая фигурка падала. Секунда. Две. Три. Вспышка.

Голубые крылья раскрылись за спиной девочки — нежно-голубые, почти прозрачные в закатном свете. Они были маленькими, детскими, размахом не больше метра, но они работали. Ребёнок взмыл вверх с криком чистого, незамутнённого восторга. Толпа взорвалась аплодисментами. Мать девочки, синекрылая Оперенная, взлетела следом и подхватила дочь на руки, смеясь и плача одновременно. Отец обнимал их обоих, и его крылья — тёмно-синие, взрослые, сильные — закрывали всю семью, как щит.

Жрец что-то записывал в свиток. В его движениях не было ни радости, ни печали — только рутина. Он видел это сотни раз. Для него это была работа.

Эйра выдохнула.

Когда-то и она должна была прыгнуть. Но мать отвела её от Края. Увела в мастерскую. Закрыла дверь. «Не сейчас, Эйра. Ты не готова». А через два года исчезла — улетела в Облака и не вернулась. Оставив только дневник в потёртом переплёте и чертежи, которые Эйра до сих пор не могла расшифровать до конца.

Внизу праздновали. Кто-то зажжёт магический светильник — ярко-жёлтую искру, плывущую над толпой. Кто-то достал бутылку вина (ритуал был неофициальным, и жрец смотрел на это сквозь пальцы). Дети, которые ещё не прошли Парение, бегали между взрослыми и кричали: «Я тоже так смогу!»

Я тоже!»

Эйра достала из-за пазухи дневник. Страницы были истрёпаны, уголки загнуты. Она открыла наугад — чертёж планера, размашистые линии, заметки на полях на Древнем Наречии. Мать учила её этому языку тайком, по ночам, когда соседи спали. «Это язык наших предков, Эйра. На нём говорили до Великого Разлома. За него убивают. Помни его. Он тебе пригодится».

Эйра не понимала, почему. Но запоминала.

Она перевернула страницу. Ещё один чертёж. Ещё. И наконец — та самая запись, которую она перечитывала каждую неделю последние десять лет.

«Если ты читаешь это, Эйра, значит, я не вернулась. Не ищи меня, пока не будешь готова. Я люблю тебя. Мама».

Она закрыла дневник. Прижала к груди. Аэра, старшая луна, поднялась выше, и Синод наконец выглянула из-за туч — две луны, белая и голубоватая, освещали Облачное Море, превращая его в серебристую равнину.

Где-то там, в бесконечной серой толще, исчезла её мать. Эйра не знала, жива ли она. Не знала, куда она улетела. Но она знала одно: когда-нибудь она это выяснит.

Она слезла с крыши и пошла домой.

Глава 1. Конверт

Десять месяцев спустя.

Солнце село за Облачное Море час назад. Аэра уже поднялась, а Синод ещё пряталась где-то за горизонтом. В мастерской горели две масляные лампы, и от них пахло гарью и старым фитилём — запахом, к которому Эйра давно привыкла, но который всё равно раздражал по вечерам, когда усталость брала своё.

Мастерская помещалась в старом грузовом ангаре на восточной окраине Четвёртого яруса — длинное здание из ржавого гофрированного металла, прилепленное к скале. Когда-то, лет пятьдесят назад, здесь был перевалочный пункт для торговцев с Нижних Уровней: курьеры на планерах залетали через широкую арку в стене, оставляли груз и улетали. Потом торговля переместилась выше, ангар забросили, и его занял Болт — старый механик, ветеран Первой Войны. Теперь здесь была мастерская.

Пол был залит маслом — настоящим, чёрным, густым, которое Болт покупал у контрабандистов с Пятого яруса. На стенах висели инструменты всех размеров и форм: отвёртки, ключи, молотки, зубила, свёрла. В углу стоял горн — старый, кирпичный, с ручными мехами, — но им редко пользовались: уголь был дорог, а заказы на ковку попадались раз в месяц. У дальней стены высились стеллажи с деталями —

деревянные каркасы, мотки тросов, рулоны промасленного шёлка, банки с гравитационной крошкой (самое ценное, что было в мастерской, и Болт запер их в железный ящик).

Эйра лежала на спине, зажав отвёртку в зубах, и пыталась вогнать рессору в паз. Рессора не шла.

— Да чтоб тебя, — пробормотала она, выплюнув отвёртку.

Планер был старый, модели «Коршун-4», которую сняли с производства ещё до её рождения. Хозяин — пожилой Оперенный с Третьего яруса, мужчина с усталыми глазами и обвисшими седыми усами, — притащил его в мастерскую третьего дня с жалобой на «странный скрежет при левом вираже». «Странный скрежет» оказался треснувшей рессорой, которую нужно было менять целиком. Но запчастей на «Коршун-4» не найти днём с огнём — модель была допотопной, — так что Эйра третий час пыталась приспособить рессору от «Стрижа-младшего», модели поновее. Размер подходил почти идеально, но паз не совпадал на какой-то злосчастный миллиметр.

Она шлифовала. Подгибала. Материлась. Снова шлифовала. Руки были в масле по локоть, мышинные волосы выбились из пучка и прилипли ко лбу. Она машинально заправила прядь за ухо, оставив на виске масляный след.

В углу мастерской, на перевёрнутом ящике, сидел Корвус. Он пришёл час назад — просто так, без дела, — и теперь наблюдал за её мучениями с выражением сочувственного лю-

бопытства.

Корвус был её ровесником, но выглядел младше. Рыжие волосы, которые он никогда не расчёсывал, вечно стояли дыбом. Лицо было усыпано веснушками — даже зимой, даже в тусклом свете масляных ламп они проступали на носу и щеках. Руки, как и у Эйры, были в мелких шрамах и ожогах от инструментов. Он был механиком, как и она, но его специализацией были двигатели — он мог разобрать и собрать гравитационный мотор с закрытыми глазами.

Крылья у него были маленькие, серо-коричневые, с неровными краями. Одно заметно короче другого — результат детской травмы при Первом Парении. Он никогда не рассказывал, как это случилось, но ходили слухи, что его сбросили слишком рано, до того как завязи полностью созрели. Крылья раскрылись не до конца и застыли такими навсегда. Он мог планировать — с трудом, — но взлететь не мог.

— Ты уже третий час возишься, — заметил он.

— Сам вижу.

— Может, плюнешь? Скажешь заказчику, что запчастей нет.

— Не могу. — Эйра наконец вылезла из-под планера и села, вытирая руки о тряпку. — Он заплатил авансом. И у него дочь в Академию поступает через месяц. Ей нужно тренироваться.

— В Академию? — Корвус присвистнул. — Ого. На чём? На этом корыте?

— На этом корыте её отец сам учился. Говорит, планер счастливый.

— Счастливый планер с треснувшей рессорой. Ну-ну.

Эйра усмехнулась, но ничего не ответила. Она потянулась за кружкой с водой, сделала глоток. Вода была тёплой и отдавала железом — в трубах Нижних Уровней вода всегда была такой.

И тут кто-то кашлянул.

В дверях стоял мальчишка-посыльный. Бескрылый, лет десяти, одетый в серую форму городского вестника — с нашивкой гильдии на плече и кожаной сумкой через грудь. Форма была ему велика, рукава закатаны, но держался он повзрослому, с той особой серьёзностью, какая бывает у детей, которые слишком рано начали работать.

— Госпожа Вейн? — спросил он, вытягивая шею.

— Просто Вейн, — поправила Эйра. — Госпожа — это которые с крыльями. Я без.

Мальчишка моргнул. Шутка пролетела мимо. Он сунул руку в сумку и достал конверт.

— Вам. Из Академии.

Время остановилось.

Эйра замерла с тряпкой в руке. Где-то в углу капала вода — кап-кап-кап. Масляная лампа на верстаке мигнула. Корвус перестал болтать ногой.

— Я сказал: вам конверт, — повторил мальчишка, решив, что она не расслышала. — Из Академии Небесной Стаи.

— Я слышала, — сказала Эйра. Голос прозвучал глухо.

Она медленно поднялась. Ноги затекли от долгого лежания на холодном полу. Отёрла ладони о штаны — тряпка уже не помогала — и подошла к мальчишке.

Конверт был из плотной кремовой бумаги. Такой бумаги она никогда не держала в руках — на Нижних Уровнях письма писали на дешёвых жёлтых листках, которые продавались на рынке по медной чешуйке за пачку. А это... это была другая жизнь. В углу конверта красовалась печать Академии Небесной Стаи — серебряная птица с распростёртыми крыльями, оттиснутая в тёмно-синем сургуче. От конверта пахло чем-то дорогим — не маслом, не гарью, не углём. Чистым. Чужим.

Эйра взяла конверт. Он был тяжёлый.

— Ответ нужен? — спросил мальчишка.

— Пока нет.

Он кивнул, развернулся и вышел в ночь. Его шаги простукали по дощатым мосткам и стихли.

— Что там? — Корвус подошёл ближе.

— Не знаю. — Эйра смотрела на печать. — В Академию не берут Бескрылых.

— Знаю. Открой уже.

Она разорвала сургуч.

Внутри было два листа. Первый — плотный, кремовый, с золотым обрезом. Официальный приказ, написанный каллиграфическим почерком:

«Кадет Эйра Вейн, дочь генерала Кассиана Вейна и инженера Лорны Вейн, зачислена на первый курс Академии Небесной Стаи. Явиться в Цитадель в течение трёх суток для прохождения вступительных испытаний. В случае неявки — трибунал».

Трибунал. Значит, выбора нет. Либо она является, либо её объявляют дезертиром. А дезертиров в Аэрозе вешали на цепях над Облачным Морем.

Она перевернула страницу. Второй листок — сложенный вчетверо, дешёвая желтоватая бумага, такую продают на рынке. Почерк незнакомый — размашистый, торопливый, с сильным нажимом. Всего шесть слов:

«Твоя мать жива. Ищи ответы в Цитадели».

Эйра перечитала. Раз. Другой. Третий.

Мать.

Жива.

Её пальцы сжали листок так, что бумага смялась. Она поспешно разгладила её. Снова смяла. Поднесла к глазам.

— Что там? — повторил Корвус.

Эйра не ответила. Она смотрела на шесть слов и не могла дышать.

Мать исчезла, когда ей было восемь. Неделю спустя после казни отца. Она собрала планер, поцеловала Эйру в лоб, сказала: «Я вернусь» — и улетела в Облака. С тех пор — ничего. Ни письма. Ни весточки. Ни намёка. Только дневник, оставленный на верстаке, и чертежи, которые Эйра до сих пор не

могла расшифровать до конца.

Соседи говорили: «Смирись. Из Облаков не возвращаются». Госпожа Кэт, торговка рыбой с Восточного рынка, толстая женщина с громовым голосом и добрым сердцем, гладила её по голове и повторяла: «Бедная девочка. Сирота». Эйра ненавидела это слово. Она не была сиротой — она была дочерью, которая ждала.

Год. Два. Три. Пять. Десять.

Она перестала ждать. Она просто работала. Чинила платья, копила деньги, собирала «Стриж». Дневник лежал в ящике у кровати, и она открывала его раз в неделю — не в поисках ответов, а чтобы помнить.

А теперь — шесть слов на дешёвой бумаге.

«Твоя мать жива».

— Эйра? — Корвус тронул её за плечо. — Ты побледнела. Что случилось?

Она молча протянула ему записку. Он прочитал. Его глаза расширились.

— Это правда?

— Не знаю.

— Но кто...

— Не знаю. — Она забрала листок, сложила и сунула в карман. — Но я выясню.

— Эйра, — Корвус понизил голос. — Академия — это не просто школа. Это армия. Там смертельные испытания. Там погибают. Ты уверена, что хочешь туда?

— У меня нет выбора. — Она показала на приказ. — Трибунал.

— Трибунал — это смерть. Но Академия — это тоже может быть смерть.

— Значит, выберу ту смерть, где есть шанс найти мать.

Корвус долго смотрел на неё. Потом вздохнул.

— Тогда я с тобой.

— Что?

— Я тоже подам заявление. У меня есть квота для механиков. Я не попаду в элиту, но в резерв — может быть.

— Корв...

— И не спорь. — Он скрестил руки на груди. — Ты моя подруга. И если ты собралась в Академию, где тебя, скорее всего, попытаются убить, я буду рядом. Хотя бы для того, чтобы крикнуть «берегись» за секунду до того, как тебя сбросят в Бездну.

Эйра не нашлась, что ответить. Она просто смотрела на него — на рыжие волосы, на веснушчатое лицо, на куцые крылья — и чувствовала, как что-то сжимается в груди. Не страх. Не ярость. Благодарность.

— Спасибо, — сказала она.

— Пока не за что. — Он взял с верстака отвёртку. — Давай закончим эту проклятую рессору. У тебя три дня.

Глава 2. Стриж

За три дня Эйра почти не спала.

Нужно было закончить заказы — объяснить клиентам, что механик Вейн временно недоступен. Собрать вещи. И главное: подготовить планер.

«Стриж» она собирала три года.

Когда мать исчезла, от неё остались только дневник и несколько чертежей. Чертежи были сложные, непонятные: мать использовала древние обозначения, которые Эйра не могла расшифровать. Первые годы она просто копировала линии, не понимая смысла. Потом, когда пошла в ученицы к мастеру Болту, начала разбираться.

Болт говорил: «У твоей матери был дар. Не магический — инженерный. Она видела воздух иначе». И это было правдой. Мамины чертежи не походили на те, что Эйра видела у других механиков. В них было что-то особенное — какая-то интуитивная точность, словно мать не рассчитывала линии, а чувствовала их.

Эйра познакомилась с Болтом через год после исчезновения матери. Ей было девять, у неё не осталось никого, и она сидела на краю старого причала, глядя обломки отцовского планера. Она не знала, что с ними делать. Просто сидела и гладила рваную обшивку, вспоминая, как отец поднимался на нём в небо — ещё до ареста, до казни, до того, как его

золотые крылья отрубили и заменили механическими.

Старик подошёл бесшумно — только стук деревянного костыля о камень. Он был старый. Очень старый. Лицо — как карта ветров Аэроса: глубокие складки у рта, морщины веером от глаз, нос с горбинкой, сломанный когда-то и неправильно сросшийся. Один глаз — мутный, с бельмом: говорили, его повредило осколком гравитационного кристалла во время аварии на военном транспортнике, когда Болт ещё служил в Стае. Второй — ярко-карий, цепкий, как у старой птицы, которая видит всё, даже то, что ты пытаешься спрятать.

Левая нога заканчивалась культей ниже колена. К ней был пристёгнут деревянный костыль с медной оковкой на конце — стёртой, с глубокими царапинами от камней. Единственное уцелевшее крыло, серое и тусклое, висело за спиной сломанное и бесполезное. Он не мог его ни сложить до конца, ни расправить. Оно просто висело, как старая тряпка, и иногда, в сырую погоду, у него начинались боли — тогда он пил самогон и ни с кем не разговаривал.

— Чего сидишь? — спросил он хрипло.

— Ничего, — буркнула Эйра, вытирая нос рукавом.

— Врёшь. — Он опёрся на костыль и долго смотрел на обломки планера. Потом сказал: — Это машина Кассиана Вейна. Я её знаю. Я её чинил. Двадцать лет назад, когда твой отец ещё был курсантом.

Эйра подняла глаза. Так она познакомилась с Болтом.

Он взял её в ученицы не сразу. Сначала просто позволял сидеть в углу мастерской и смотреть. «Принеси отвёртку», — говорил он. «Нет, не эту. Крестовую. Слепая, что ли?» Она не была слепой. Она была девятилетней девочкой, которая никогда не держала в руках инструментов. Но она училась быстро. К двенадцати годам она уже чинила планеры лучше иных взрослых. К шестнадцати — сама принимала заказы. К восемнадцати — собрала «Стриж».

Болт был груб, как наждак. Он никогда не хвалил. «Сойдёт», «не развалится», «руки у тебя кривые, но уже не такие, как в прошлом году» — вот высшая похвала, которую она от него слышала. Он не рассказывал сказок на ночь. Не жалел её. Никогда не спрашивал, как у неё дела. Но он был единственным человеком на всём Четвёртом ярусе, который не называл её дочерью предателя.

Он был ветераном Первой Войны — той самой, что разразилась сорок лет назад, когда мятежные кланы восточных островов попытались отделиться от Архипелага. Болт служил техником на военном транспортнике «Альбатрос». Его сбили над Грозовыми Пиками — теми самыми, где жили Ночные Фениксы. Крыло раздробило осколком гравитационного кристалла, ногу размозжило обломками фюзеляжа. Он выжил чудом — единственный из всего экипажа. Его нашли через три дня, в полубессознательном состоянии, вцепившегося в обломок крыла.

С тех пор прошло сорок лет. Все эти сорок лет он чинил

планеры и не летал. Жил один. Друзей не заводил. Говорил, что все его друзья остались в небе.

Он знал отца Эйры. Знал мать. И, кажется, знал гораздо больше, чем говорил. Но когда она спрашивала о прошлом, он мрачнел и отворачивался к верстаку. «Не время ещё, — бросал он через плечо. — Принеси лучше шлифовальную пасту».

И она приносила.

«Стриж» был собран по маминым чертежам. Лёгкий каркас из гнутого дерева — Эйра гнула его паром, обжигая пальцы, и каждое утро просыпалась с новыми волдырями. Обшивка из промасленного шёлка — она сшивала её вручную, стежок за стежком, сидя при свете масляной лампы, пока глаза не начинали слезиться. Складные крылья на шарнирах. Хвостовой стабилизатор, который она придумала сама — у мамы в чертежах его не было, но без него планер заваливался в штопор.

Размах — четыре метра. Вес — чуть больше двадцати килограммов. В сложенном виде убирался за спину как рюкзак. Никакой магии. Чистая механика.

В последнее утро перед отправлением Эйра выкатила «Стриж» на старый причал. Ветер был боковой, порывистый. Худшее, что можно придумать для тестового полёта. На востоке собиралась гроза — тёмная полоса на горизонте, откуда доносился глухой рокот.

— Ты уверена? — спросил Корвус, который пришёл по-

смотреть. Он сидел на перевернутом ящике у края причала, кутаясь в залатанную куртку. Его маленькие серые крылья подрагивали от холода.

— Нет, — честно ответила Эйра, затягивая ремни на груди. — Но выбора нет.

— Выбор есть всегда. Можно не лететь.

— И что? Явиться в Академию и сказать: «Здрасьте, я Бескрылая, возьмите меня без испытаний»?

— Ну, они же сами тебя позвали.

— Вот именно. Позвали. А зачем — непонятно. — Она дёрнула ремень сильнее, чем нужно, и поморщилась. — Если я не пройду этот тест, они просто выставят меня за дверь. Или сбросят с Края.

— Не сбросят, — неуверенно сказал Корвус.

— Сбросят, — мрачно возразила Эйра. — Ты же знаешь правила. Небеса не терпят слабости. У нас на Нижних Уровнях это знают даже дети.

— Эйра.

— Что?

— Ты не слабая, — тихо сказал Корвус. — Ты просто... другая.

Она обернулась. Он смотрел на неё серьёзно, без обычной ухмылки. Рыжие волосы стояли дыбом от ветра. Веснушки на носу казались ярче обычного — то ли от волнения, то ли от холодного утреннего света.

— Спасибо, Корв, — сказала она. — Но «другая» в Ака-

демии — это приговор.

И прыгнула.

Первые секунды — свободное падение. Ветер рванул одежду, волосы, вышиб воздух из лёгких. Желудок подскокил к горлу. Планер за спиной был сложен. Эйра считала про себя: раз, два, три...

На счёт «четыре» она дёрнула рычаг. Крылья раскрылись с хлопком, ткань натянулась. Планер клюнул носом, и Эйру рвануло вперёд.

Она засмеялась — громко, на весь пустой причал.

Это было лучшее чувство в мире. Не магия. Не дар. Просто ты и воздух, и вы договорились. Ветер обтекал крылья, «Стриж» слушался малейшего движения рукояток, и на секунду — всего на одну короткую секунду — Эйра почувствовала себя свободной.

Она заложила вираж вокруг скалы, пронеслась над рыночной площадью. Внизу госпожа Кэт, торговка рыбой, задрала голову и погрозила кулаком: «Вейн, опять ты над моим прилавком летаешь! Рыбу распугаешь!» Эйра помахала ей рукой, рассмеялась и ушла в новый вираж.

— Давай! — крикнул Корвус с причала. — Покажи им!

И тут боковой ветер ударил.

Планер завалился вправо. Крыло черпнуло воздух. Эйру потащило вниз, к скале. Она вцепилась в рукоятки управления. «Не паниковать. Не паниковать. Выровнять. Выровнять!»

Поздно.

Скала приближалась слишком быстро. Эйра увидела острые выступы, тёмные трещины, пятна лишайника — жёлтого и серого, — и в последний момент поджала ноги и задрала нос планера. Крылья чиркнули по камню. Ткань треснула с противным звуком — рвущийся шёлк, скрежет дерева о камень. Планер дёрнулся, чиркнул днищем по скале и плюхнулся на причал, проехавшись по щебню.

Тишина.

Эйра лежала на спине, глядя в небо. Сердце колотилось где-то в горле. Руки дрожали — сильнее обычного. Крыло планера было надорвано, обрывки шёлка хлопали на ветру. На плече наливался синяк.

— Ты цела?! — Корвус подбежал и упал на колени рядом.
— Эйра! Эйра, ты цела?!

— Почти, — выдохнула она и засмеялась — нервно, с надрывом. — Почти получилось.

— Почти?! Ты чуть не разбилась!

— Но не разбилась же. — Она приподнялась на локтях. Пучок растрепался в полную катастрофу — мышинные волосы выбились из-под шпильки и лезли в лицо. Эйра сдула прядь с глаз, раздражённо закрутила узел обратно и заколола шпилькой, которую чудом не потеряла при падении. — Я не разбилась, Корв. И это главное.

— Ты сумасшедшая, — сказал он с чувством. — Ты это знаешь?

— Знаю. — Она поднялась, отряхиваясь. — Но через три часа я должна быть в Академии. А для этого нужно, чтобы «Стриж» летал.

Она подошла к планеру, осмотрела надрыв.

— Некритично. Залатаю за час.

— Ты вообще спала в эти три дня?

— Нет.

— Ясно. — Корвус вздохнул и потянулся за своей сумкой с инструментами. — Тогда я помогу. Давай иглу.

Они сидели на холодном причале, сшивая надорванное крыло, пока Аэра поднималась всё выше. Ветер стих. Синод показалась из-за горизонта — младшая луна, голубоватая и холодная. Эйра работала молча, сосредоточенно, и Корвус не мешал.

Только когда последний стежок был сделан, она заговорила.

— Знаешь, что самое странное? Я боюсь. Не Академии. Не испытаний. А того, что я найду.

— Про мать?

— Да. — Она убрала иглу в футляр — старый, кожаный, с выцветшей монограммой матери на крышке. — Шесть слов. «Твоя мать жива. Ищи ответы». А если ответы — не те, что я хочу услышать?

Корвус помолчал. Потом сказал:

— Тогда ты всё равно будешь знать. А знать лучше, чем гадать.

Эйра посмотрела на него. Корвус был младше неё на год, но сейчас он казался старше. Может, потому что он тоже был «другим» — со своими куцыми крыльями, которые не могли поднять его в воздух. Он понимал.

— Спасибо, — сказала она.

— Да ладно. — Он поднялся, отряхнул колени. — Иди собирайся. Через час подъёмник.

Эйра закинула «Стриж» на плечо, поправила пучок и в последний раз оглянулась на причал. На Четвёртый ярус. На свой дом. Она знала, что, возможно, никогда сюда не вернётся. Но она знала и другое: возвращаться было некуда. Её дом был там, впереди. В Цитадели. В шести словах на дешёвой бумаге.

И она пошла к подъёмнику.

Глава 3. Остров академии

Общественный подъёмник на Академический ярус ходил раз в сутки.

Это была огромная платформа на гравитационных кристаллах, огороженная ржавыми перилами. Когда-то, может, она была красивой — на бортах ещё виднелись остатки серебряной краски и выцветшие гербы старых гильдий: скрещённые крылья Дома Навигаторов, молот и шестерня Гильдии Механиков, звезда Дома Астралис. Теперь краска облупилась, перила проржавели, а кристаллы, вделанные в пол, светились тускло и неравномерно. Некоторые мерцали, как умирающие светлячки. Другие погасли совсем, и в этих местах платформа едва заметно проседала.

Эйра стояла у перил, придерживая «Стриж» в сложенном виде, и смотрела вниз. Четвёртый ярус уходил в туман. Её ярус. Её дом.

Она прожила там всю жизнь. Знала каждый переулок, каждый трос, каждый мостик. Знала торговку рыбой госпожу Кэт — толстую женщину с громовым голосом и руками, вечно пахнущими солью и чешуёй, которая всегда подкладывала лишнюю рыбину «для костей». Знала старую булочницу с Восточного рынка, госпожу Имбер, которая пекла хлеб с тмином и делала вид, что ошиблась со сдачей. Знала мальчишек, бегавших за ней с криками «Бескрылая!» — пока она

не начала кидаться в них гайками. Знала старого Болта, который научил её всему, что она умела. Знала Корвуса, который стал ей почти братом.

Теперь всё это оставалось внизу. А она поднималась — на Второй ярус, куда Бескрылым без лицензии путь был закрыт. У неё не было лицензии. У неё был только приказ — и шесть слов на дешёвой бумаге.

Подъёмник полз медленно. Мимо проплывали острова Третьего яруса — Ремесленного. Отсюда они казались ласточкиными гнёздами, прилепленными к скалам. Дома из камня и дерева, узкие улочки, дым из кузнечных труб, поднимающийся к небу. На одном из островов Эйра заметила группу детей, играющих на краю пропасти — они носились друг за другом, расправив маленькие крылья. На соседнем острове женщина развешивала бельё на верёвке, протянутой между двумя скалами. Обычная жизнь. Чужая.

Подъёмник дрогнул и остановился на промежуточной станции Третьего яруса. Вошли новые пассажиры — группа ремесленников в рабочих комбинезонах, с ящиками инструментов. Один из них, пожилой мужчина с зелёными крыльями, ворчал на цены: «Медную чешуйку за проезд! Раньше было полчешуйки. Куда катится мир?» Его спутник, молодой парень с серыми крыльями, только пожимал плечами.

Эйра смотрела на монеты, которые ремесленник отсчитывал в ладонь кондуктору. Медные чешуйки — мелкие, тонкие, с дырочкой посередине. Такие же были у неё в кошель-

ке — все её сбережения за последние полгода, восемнадцать чешуек и два серебряных пера. Перья были крупнее, тяжелее, с выгравированным профилем Альциона. Одно такое перо равнялось двадцати чешуйкам и могло оплатить месяц аренды мастерской. Эйра заработала их на сложном заказе — ремонте гравитационного мотора для богатого купца с Третьего яруса.

Она сунула руку в карман, нащупала кошелек. На месте. В Академии деньги, скорее всего, не понадобятся — кадеты на полном обеспечении. Но она всё равно взяла их. Привычка. На Нижних Уровнях без денег не прожить.

Подъёмник снова дрогнул и пополз вверх.

На Втором ярусе их встретила стража. Трое Крылатых в серой форме, с когтями на поясе — короткими изогнутыми клинками, закреплёнными на кожаных наручах. Эйра видела такие раньше только на картинках в старых военных справочниках Болта. В реальности они выглядели куда опаснее — острые, хищные, с желобками для стока крови.

Офицер — высокий мужчина с зелёными крыльями, редкость в небе, магия земли — проверял документы. Зелёные крылья означали связь с земной стихией: их обладатели были физически сильнее, выносливее, но летали хуже. Их часто нанимали в охрану — на земле они были незаменимы, а в воздухе их прикрывали напарники.

— Документы, — произнёс офицер, когда Эйра подошла к воротам.

Она протянула конверт. Он взял его, открыл, прочитал. Перевёл взгляд с печати на Эйру, с Эйры — на печать. Его зелёные крылья дрогнули.

— Кадет Вейн? — переспросил он.

— Да.

— Бескрылая?

— И это тоже.

Он хмыкнул. Поставил штамп в какую-то ведомость. Но конверт не вернул.

— Планер снимите, — сказал он.

— Что?

— Планер. На спине. Снимите. Здесь не разрешено носить летательные приспособления без специального допуска. Для кадетов исключений нет. Получите на складе после заселения.

Эйра замерла. «Стриж» был её единственной защитой. Единственным способом летать. Без него она — просто Бескрылая. Просто мишень.

— У меня приказ о зачислении. Я кадет.

— Кадеты не носят планеры. Они носят крылья. — Офицер смотрел на неё без злобы, но и без сочувствия. — Снимите.

Эйра медленно расстегнула ремни. «Стриж» соскользнул с плеч и оказался в руках стражника. Тот взвесил его, присвистнул.

— Тяжёлый. Сами делали?

— Сама.

— Добротно. — Он передал планер второму стражнику.

— На склад. Метка «Вейн». — И наконец вернул Эйре конверт. — Проходите, кадет.

Эйра шагнула за ворота. Без «Стрижа» за спиной было пусто. Непривычно. Словно она оставила часть себя там, у входа. Ветер с Облачного Моря трепал выбившиеся из пучка пряди. Она заправила их за ухо и пошла вперёд.

Академия открылась перед ней внезапно — за поворотом дороги, сразу за старой каменной аркой.

Эйра замерла.

Это был не просто замок. Это был город в городе. Белые башни уходили в небо, соединённые ажурными мостами без единой опоры. Арки без перил парили над пропастью. С высоты центральной башни — Цитадели — в облака срывался водопад. Искусственная река, питаемая магическими источниками, падала в Бездну с высоты не меньше пятисот метров, и капли разбивались о невидимый магический купол, создавая радугу. Даже сейчас, в сумерках, она мерцала — бледная, призрачная, но различимая.

Вокруг — сотни Крылатых. Белые крылья. Золотые. Серебряные. Синие. Зелёные. Мелькали повсюду: в небе, на мостах, на балконах. Они не ходили — они порхали. Опускались на балконы, срывались с арок, перелетали с башни на башню. Каждое движение было лёгким, естественным, как дыхание.

Эйра стояла, задрав голову, и не могла оторвать взгляда. Она видела красивые здания и раньше — с Верхних ярусов присылали заказы на починку дорогих планеров, и она рассматривала выгравированные на них гербы. Но это... Это было другое. Это был целый мир, и он парил над пустотой, как будто гравитация была для него пустым звуком.

— Первый раз на Академический? — спросил кто-то рядом.

Эйра обернулась. Девушка с пушистыми кремовыми крыльями стояла в двух шагах и улыбалась. У неё были светлые, почти белые волосы, заплетённые в две косы, и огромные голубые глаза — такого яркого оттенка, какой бывает только у магов воздушной стихии. Крылья — мягкие, с розоватым отливом у оснований — подрагивали на ветру.

— Что, простите?

— Ты первый раз на Академический ярус? — повторила девушка. — У тебя лицо такое... ну, как у человека, который первый раз видит облака снизу. Или водопад. Или всё сразу.

Эйра невольно усмехнулась.

— Вообще-то я их каждый день вижу. Облака.

— Но не с такой высоты. — Девушка кивнула вверх. — Я Зефир. Можно просто Зефи. Я на третий курс поступаю. Вернее, надеюсь поступить. Экзамены через неделю. А ты?

— Уже поступила. Вроде бы.

— Вроде бы?

— Долго рассказывать.

Зефир не обиделась. Она просто улыбнулась и встала рядом.

— Я с Третьего яруса, — сказала она. — У нас там красиво, но тут... — она обвела рукой башни, мосты, водопад, — тут вообще сказка. Ты знаешь, почему водопад никогда не иссякает?

— Нет.

— Говорят, под Цитаделью есть подземное озеро, которое питается от Облачного Моря. Магия поднимает воду вверх, а потом она падает обратно. Вечный круговорот. Красиво, да?

— Красиво, — согласилась Эйра. — И немного жутко.

— Жутко? Почему?

— Слишком красиво. Как ловушка.

Зефир засмеялась — легко, переливчато.

— Ты забавная. Как тебя зовут?

— Эйра. Эйра Вейн.

Зефир моргнула. Улыбка на секунду замерла.

— Вейн? Как генерал Вейн?

Эйра напряглась. Вот оно. Сейчас начнутся вопросы. Или обвинения. Или косые взгляды. Она слишком хорошо знала этот момент — когда фамилия падает между тобой и собеседником, как камень в воду, и по кругам на воде все понимают, кто ты.

— Как генерал Вейн, — спокойно подтвердила она. — Он был моим отцом.

Пауза.

— Мне жаль, — сказала Зефир.

— Что?

— Что его казнили. Я не верю, что он был предателем. Мой отец служил под его командованием на Восточном фронте. Говорил, лучше генерала не встречал. — Она пожала плечами. — Я не знаю, что там случилось. Но я знаю, что героев часто обвиняют в том, чего они не делали.

Эйра не нашлась, что ответить. Она просто смотрела на эту пушистую, улыбчивую девушку, которая говорила то, чего ей никто не говорил десять лет.

— Спасибо, — наконец выдохнула она.

— За что?

— За то, что не назвала меня дочерью предателя.

— А ты дочь предателя?

— Нет.

— Тогда зачем тебя так называть? — Зефир улыбнулась и подтолкнула её плечом. — Смотри, Цитадель. Нам туда.

Впереди возвышалась центральная башня Академии — огромная, из белого камня, с серебряным шпилем, на котором развевался флаг Небесной Стаи: серебряная птица на синем поле. У входа толпились кадеты — одни взволнованные, другие надменные, третьи деловито-спокойные. Офицеры выкрикивали фамилии. Чиновники с планшетами что-то записывали.

В толпе Эйра заметила фигуру, которая выделялась сразу. Высокий, широкоплечий, с чёрным крылом и стальным про-

тезом вместо второго. Он стоял в стороне от всех — один, но не изгой. Вокруг него было пустое пространство, словно невидимая стена, которую никто не решался пересечь. Шрам наискосок через всё лицо — от правого виска, через переносицу, до левой челюсти. Тёмные глаза смотрели куда-то поверх толпы.

— Ты его знаешь? — спросила Зефир, проследив за её взглядом.

— Нет. А ты?

— Это Кастор Вейл. — Зефир понизила голос. — О нём ходят слухи. Говорят, он последний из Ночных Фениксов. Его клан уничтожили, когда он был ребёнком. Ещё говорят, что он убил свою невесту на Парном Полёте. И спит со всеми подряд, но никого не оставляет до утра.

— Приятный тип, — сухо прокомментировала Эйра.

— Он опасен, — добавила Зефир. — Держись от него подальше.

Эйра кивнула, но продолжала смотреть. Что-то в его позе — в том, как он стоял, один среди сотен, — было странно знакомым. Она не могла понять, что именно. Но это чувство застряло где-то под рёбрами.

Она встряхнула головой и отвернулась.

— Готова? — спросила Зефир.

— К чему?

— К новой жизни.

Эйра поправила пучок, одёрнула куртку и шагнула в тень

Цитадели.

Глава 4. Главкомандующий Альцион

Церемония открытия проходила на Плацу Облаков.

Так называлась огромная площадь на западной оконечности Академического острова — каменный язык, выступающий над Бездной. Ни перил, ни страховочных сетей. Только камень, ветер и три тысячи метров пустоты под ногами.

Плац был заполнен. Сотни кадетов выстроились в шеренги по курсам: первый курс — ближе к краю, где ветер сильнее всего, старшие — дальше, где можно было укрыться за спинами товарищей. Крылья всех цветов и размеров: белые, золотые, синие, зелёные, серебряные, чёрные — подрагивали на ветру, как живое море. Эйра никогда не видела столько Крылатых одновременно. На Нижних Уровнях их было мало — в основном Оперенные, изредка обедневшие аристократы. А здесь... здесь была элита. Цвет Архипелага.

Эйра стояла в первом ряду. Там, где её было видно всем.

— Смотрите, это она? — донеслось откуда-то сзади.

— Бескрылая?

— Да. Дочь предателя.

— И что она здесь забыла?

Эйра не оборачивалась. Она смотрела прямо перед собой, в центр площади, где на возвышении стояли офицеры.

Их было пятеро. Центурион Галеас — высокий, жилистый, со шрамом через пол-лица, проходящим через пустую глазницу. Его единственный глаз, холодно-голубой, смотрел так, словно взвешивал каждого на предмет боевой ценности и находил слишком лёгким. Крылья стального цвета были плотно сложены за спиной. Капитан Веспер — начальница стражи, худая, с острыми чертами лица и крыльями цвета воронёной стали. Её форма была безупречна — ни единой складки. Двое младших офицеров, чьи имена Эйра ещё не запомнила. И в центре — Главнокомандующий Альцион.

Он был выше всех. Шире всех. Его золотые крылья, сейчас сложенные за спиной, достигали пяти метров в размахе — Эйра знала это, потому что каждый ребёнок в Аэросе с детства слышал рассказы о золотых крыльях Альциона, которые сияли так ярко, что освещали поле боя. Сейчас, в сумерках, они действительно светились — мягко, как угли в горне. Каждое перо излучало тепло.

Он был немолод — седина тронула виски, морщины пролегли от носа к уголкам губ, — но возраст не ослабил его. Наоборот: он выглядел как человек, который прошёл через десятки битв и вышел из них сильнее.

Альцион поднял руку. Простой жест — и гул стих мгновенно. Полная тишина. Даже ветер, казалось, замер.

— Кадеты, — произнёс он.

Его голос разносился над площадью без всяких рупоров. Магия воздуха. Эйра почувствовала, как вибрирует воздух

вокруг неё, когда он говорил. Это было странное ощущение — словно кто-то касался её кожи невидимыми пальцами.

— Вы стоите на Краю. — Он сделал паузу, обводя строй взглядом. — Сегодня вы сделаете первый шаг к тому, чтобы стать частью Небесной Стаи. Или не сделаете. И тогда Край станет для вас последним, что вы увидите.

Идеальная тишина.

— Небеса не терпят слабости, — продолжил Альцион. — Вы слышали это с детства. Ваши родители слышали это от своих родителей. Ваши деды — от основателей Архипелага. Но мало кто понимает, что это значит на самом деле.

Он медленно прошёлся вдоль строя, и его шаги отдавались в каменных плитах.

— Слабость — это не отсутствие силы. Слабость — это неумение применить то, что у тебя есть. У каждого из вас есть крылья. У каждого — свой дар. Вопрос в том, готовы ли вы довериться себе. Готовы ли вы шагнуть в пустоту и знать, что не упадёте.

Его взгляд скользил по шеренгам. Эйре показалось, что он на секунду задержался на ней. Всего на долю секунды. Но она почувствовала этот взгляд — тяжёлый, оценивающий, как у ювелира, который рассматривает неогранённый камень.

— Завтра на рассвете, — объявил Альцион, — вы пройдёте Прыжок веры. Первое испытание. Вы прыгнете с Края. Вы взлетите. Кто не взлетит — того не ждут.

По строю пробежал шёпот. Кто-то нервно переступил с

ноги на ногу.

— А теперь, — Альцион повысил голос, — я представлю вам ваших командиров. Центурион Галеас — тактика и строевая подготовка. Если вы думаете, что маршировка — это скучно, он докажет вам обратное. Капитан Веспер — дисциплина и порядок. Если вы опоздаете на построение, она докажет вам, что карцер — не самое страшное место в Академии. Магистр Компас — навигация и звёздное дело. Он научит вас летать ночью, в тумане и в грозу. Магистр Вулкания — боевая подготовка. Она научит вас убивать. И, надеюсь, выживать.

Каждый из названных выходил вперёд и коротко кланялся. Галеас — сухо, по-военному. Веспер — холодно, едва заметно. Компас — спокойно, с лёгкой улыбкой. Вулкания — энергично, сжав кулак. Она была невысокой, коренастой женщиной с огненно-рыжими волосами и золотыми крыльями — редкость для женщины, но не уникальность.

— И наконец, — Альцион обернулся, — капитан Арктур, командир элитного отряда «Серебряный Вихрь».

Из-за спин старших офицеров вышел молодой человек.

Эйра услышала, как несколько девушек в строю дружно выдохнули.

Арктур был безупречен. Высокий, стройный, с серебряными крыльями размахом не меньше четырёх с половиной метров. Волосы — светлые, почти белые, собраны в низкий хвост. Лицо — правильные черты, гладкая кожа, голубые

глаза. Он двигался с грацией, которая бывает только у тех, кто родился в небе и никогда не ходил по земле. Его форма сидела идеально — серебряные канты на синем сукне, эмблема «Серебряного Вихря» на груди: стилизованное крыло, пронзающее облако.

— Кадеты, — произнёс он, и его голос был мягким, но звучным. — Для меня честь служить с вами. Те, кто пройдут испытания, станут частью моей стаи. А я своих не бросаю.

Он улыбнулся — открыто, тепло — и вернулся в строй офицеров.

Зефир, стоявшая в соседней шеренге, поймала взгляд Эйры и одними губами произнесла: «Красавчик». Эйра не ответила. Что-то в Арктуре настораживало её. Она сама не понимала, что именно. Может, то, что он был слишком идеален. Может, то, что его улыбка не доходила до глаз. А может, она просто привыкла не доверять людям, которые говорят правильные слова.

— Строй разойдись! — скомандовал Галеас. — Завтра на рассвете — Прыжок веры. Будьте готовы. И помните: Небеса не терпят слабости.

Строй рассыпался. Кадеты расходились, переговариваясь, смеясь, хлопая друг друга по плечам. Эйра осталась стоять на месте, глядя на удаляющуюся фигуру Главнокомандующего.

— Ты в порядке? — спросила Зефир, подходя ближе.

— Да. Просто думаю.

— О чём?

— О том, почему он на меня так смотрел.

— Альцион? — Зефир нахмурилась. — Он на всех смотрит. Он Главнокомандующий.

— Нет. — Эйра покачала головой. — Он смотрел на меня иначе. Как будто ждал чего-то.

Зефир пожала плечами.

— Может, ждал. Ты дочь генерала Вейна. Может, он знал твоего отца.

Эйра задумалась. Знал ли Альцион её отца? Конечно, знал. Все знали генерала Кассиана Вейна, героя Восточного фронта. Альцион наверняка присутствовал на том суде. Может быть, даже голосовал за казнь.

— Идём, — сказала Зефир, беря её под руку. — Завтра тяжёлый день. Нужно выспаться.

Эйра позволила увести себя с площади. Но, уходя, она бросила последний взгляд на офицерское возвышение. Арктур всё ещё стоял там, беседуя с кем-то из старших. И на секунду — всего на одну короткую секунду — их взгляды встретились.

Он улыбнулся.

Эйра отвернулась и пошла быстрее.

Глава 5. Прыжок веры

Рассвет застал их на Краю.

Тот самый выступ, который Эйра видела с площади вчера, теперь был заполнен кадетами первого курса. Их выстроили в одну шеренгу вдоль края пропасти. Ветер здесь был сильнее — он рвал одежду, волосы, выбивал слезы из глаз. Внизу, в трёх тысячах метров, клубилось Облачное Море — серое, густое, непроглядное.

Галеас стоял перед строем. Его стальные крылья были плотно сложены. Он не выглядел взволнованным — но Эйра уже поняла, что он вообще никогда не выглядит взволнованным.

— Прыжок веры, — произнёс он без предисловий. — Самое простое и самое сложное испытание. Вы прыгаете. Вы взлетаете. Никаких правил. Никаких поблажек. Страховочных сетей здесь нет — не надейтесь. Кто не взлетит — того не ждут. Вопросы есть? Вопросов нет.

Он махнул рукой.

— Первый!

Первый кадет — молодой Оперенный с синими крыльями — шагнул к краю. Замер на секунду. Прыгнул. Его крылья раскрылись мгновенно, поймали воздух, и он взмыл вверх, к одобрительному гулу товарищей.

— Второй!

Девушка с зелёными крыльями. Прыжок. Взлёт.

— Третий!

Белые крылья вспыхнули в утреннем свете.

Эйра стояла в конце шеренги. Она смотрела, как один за другим кадеты прыгают и взлетают, и с каждым успешным прыжком её сердце билось быстрее. «Стриж» остался на складе. Она была безоружна.

— Десятый! Одиннадцатый! Двенадцатый!

Очередь приближалась. Эйра видела, как прыгнула Зефир — её пушистые крылья раскрылись с лёгким хлопком, и она взмыла вверх с радостным криком. Видела, как Корвус (которого тоже зачислили — чудом, по квоте для механиков) прыгнул и заскользил вниз, не в силах подняться, и его пришлось ловить страховочной сетью, которую выставили специально для него.

— Двадцатый!

До Эйры оставалось три человека.

— Двадцать первый!

Два.

— Двадцать второй!

Один.

— Кадет Вейн!

Эйра шагнула вперёд. Край был ближе, чем ей казалось. Ещё шаг — и пустота. Ветер выл. Облачное Море колыхалось.

— Смотрите, Бескрылая! — крикнул кто-то.

— Она без планера! — подхватил другой.

— Она разобьётся!

Смех. Шепотки. Эйра слышала их, но не слушала. Она смотрела вниз и думала об отце. О том, как он стоял на таком же Краю много лет назад — молодой кадет, ещё не генерал, ещё не герой, ещё не предатель. И прыгнул.

— Кадет Вейн, — раздался голос Галеаса. — У вас нет крыльев. У вас нет планера. Что вы собираетесь делать?

Эйра обернулась. Лицо центуриона было непроницаемым.

— Я собираюсь прыгнуть, сэр.

— И как вы планируете выжить?

— Я не планирую, сэр. Я верю.

Галеас поднял бровь. По строю пробежал удивлённый гул.

— Во что?

Эйра помедлила. Она думала о матери. О шести словах. О дневнике. О чертежах. О «Стриже». Обо всём, что привело её сюда.

— В то, что моя мать была права. И что я не упаду.

Она повернулась к пропасти. Сделала шаг.

И прыгнула.

Ветер рванул её вниз. Свободное падение — три тысячи метров пустоты. Сердце колотилось. Кровь стучала в ушах. Она падала, и падала, и падала...

И тут она почувствовала это.

Жар между лопатками. Тот самый, о котором рассказывал

отец. Слабый, едва заметный, как тлеющий уголёк. Завязи — две тёплые отметины на спине, которые никогда не работали, — вдруг запульсировали.

Эйра закричала.

Не от страха — от напряжения. Её тело выгнулось дугой. Она зажмурилась, сосредоточилась, приказала себе взлететь...

И ничего не произошло.

Завязи запульсировали и погасли. Крылья не раскрылись.

Она падала.

В последний момент, когда скалы уже приближались, она выбросила руки вперёд — инстинктивно, отчаянно — и закричала снова.

И гравитация отозвалась.

Это было не похоже на полёт. Это было похоже на рывок. Какая-то сила подхватила её, дёрнула вверх и швырнула обратно к Краю. Эйра перелетела через перила — которых не было, — прокатилась по камню и замерла.

Тишина.

Она лежала на спине, глядя в небо. Сердце колотилось так, что его, наверное, было слышно на соседнем острове. Руки дрожали — как всегда, только теперь дрожь была не слабостью. Она была отголоском силы.

Эйра медленно села.

Сотни глаз смотрели на неё. Кто с изумлением, кто с ужасом, кто с азартным любопытством.

Альцион, стоявший на возвышении, удовлетворённо кивнул.

— Зачислена, — произнёс он. — С позорным статусом «Технарь». Следующий.

Эйра выдохнула. Руки всё ещё дрожали. Но она прошла.

Она поднялась и, пошатываясь, пошла к строю. Проходя мимо Кастора, она на секунду встретилась с ним взглядом. Он не смеялся. Не ухмылялся. Он смотрел на неё — пристально, оценивающе.

И промолчал.

Глава 6. Первое унижение

Горн протрубил затемно.

Эйра проснулась мгновенно — привычка, введшаяся за десять лет работы в мастерской, где заказчики могли прийти в любое время. Она села на койке, потянулась затёкшими мышцами и машинально нащупала шпильку на тумбочке. Пучок растрепался за ночь — мышинные волосы торчали во все стороны, жёсткие и непослушные. Она закрутила их в тугой узел, заколола и огляделась.

Спальня для новобранцев-девушек представляла собой длинную комнату с каменными стенами и рядом высоких окон, выходящих на восток. Сейчас, в предрассветных сумерках, за ними клубился туман — густой, почти осязаемый, подсвеченный бледным светом Синод. Вдоль стен стояли двадцать коек — простых, деревянных, с тонкими матрасами, набитыми сушёным мхом. Над каждой — крюк для крыльев (пустой у Эйры) и полка для личных вещей. На полу — серые каменные плиты, холодные даже летом.

В комнате было зябко. Отопления в общежитии не предусматривалось — Крылатые не мёрзли, их магия согревала изнутри. Бескрылые мёрзли всегда. Эйра натянула форменную куртку и только потом спустила ноги с койки.

Вокруг уже суетились другие девушки. Кто-то застёгивал форму — синюю с серебром, с обязательными разрезами на

спине. Кто-то расчёсывал волосы перед мутным зеркалом — длинным, в полный рост, с трещиной в левом углу. Кто-то торопливо перешёптывался:

— Говорят, сегодня Галеас будет нас гонять до потери пульса.

— Он всегда гоняет. Он же ветеран Восточного фронта. Там, говорят, он один удержал мост против двадцати мятежников.

— Ветераны — они либо лучшие, либо садисты.

— А Галеас — и то, и другое.

Эйра натянула сапоги — высокие, на шнуровке, с reinforced носками. Форма сидела отвратительно. Она подошла к зеркалу, протиснувшись между двумя Оперенными девушками, которые обсуждали вчерашнюю церемонию.

Из мутного стекла на неё смотрела худая девушка с бледным лицом и тёмными кругами под глазами. Мышиные волосы уже начинали выбиваться из пучка. Она раздражённо заправила прядь за ухо. Куртка висела мешком. Разрезы на спине зияли пустотой — они были рассчитаны на крылья, а у неё их не было. Она дёрнула ткань на плечах, пытаясь убрать лишние складки. Бесполезно.

— Не натягивай, — сказала Зефир, возникая рядом с кружкой горячего чая. Она уже была полностью готова: форма сидела идеально, пушистые крылья аккуратно сложены, волосы заплетены в две косы. — У меня тоже сначала не получалось привыкнуть к форме. Но через неделю она садит-

ся по фигуре. Ткань магическая — она подстраивается под тело.

— У тебя есть фигура, под которую подстраиваться, — буркнула Эйра. — А у меня — пустые разрезы и хронический недосып.

— Не пустые. Просто ещё не заполненные. — Зефир улыбнулась и поправила воротник на её куртке. — И недосып — это временно. Первые две недели никто не спит. Потом привыкаешь. Держи чай.

Эйра взяла кружку. Чай был горячий, сладкий — Зефир, видимо, добавила сахар из своих запасов. Сахар на Нижних Уровнях был роскошью. Здесь, на Втором ярусе, он, видимо, был обычным делом.

— Спасибо, — сказала Эйра.

— Не за что. Идём на построение. Галеас не любит опозданий.

Плац Облаков встретил их ледяным ветром. Солнце ещё не взошло, и небо на востоке только начинало сереть. Сотни кадетов выстроились в шеренги по курсам. Эйра стояла в первом ряду, и ветер трепал выбившиеся из пучка пряди. Она снова заправила их за ухо — привычный, раздражённый жест.

Центурион Галеас вышел перед строем. Он был высок, жилист, с военной выправкой, которая въелась в него, казалось, на костном уровне. Его лицо пересекал шрам — от виска до челюсти, проходя через пустую глазницу. Второй глаз,

холодно-голубой, смотрел так, словно взвешивал каждого на предмет боевой ценности и находил слишком лёгким. Крылья — стального цвета, с жёсткими краями — были плотно сложены за спиной.

— Доброе утро, кадеты, — произнёс он. Его голос разносился над плацем без всяких рупоров. — Сегодня мы начинаем строевую подготовку. Кто-то из вас думает, что это скучно. Кто-то думает, что это бесполезно. Вы все ошибаетесь.

Он прошёлся вдоль строя, заложив руки за спину. Его шаги отдавались в каменных плитах — чёткими, размеренными ударами.

— Строевая подготовка — это основа дисциплины. Дисциплина — это основа армии. Армия — это то, что защищает Архипелаг от врагов. Вам понятно?

— Да, сэр! — рявкнул строй.

— Отлично. Тогда начнём. Маршировка на месте. Начали!левой!левой!левой-правой-левой!

Эйра старалась. Честное слово, старалась. Но она никогда не маршировала. На Нижних Уровнях не было строевой подготовки — там вообще не было ничего, кроме работы с утра до ночи и молитвы о том, чтобы твой остров не треснул. Она отдала себе пятку на первом же шаге, сбилась с ритма на втором и к третьему уже поняла, что безнадежно отстаёт.

— Кадет Вейн! — рявкнул Галеас. — Вы что, никогда не

ходили строем?!

— Нет, сэр! — честно ответила она.

— Отлично. Будете учиться. Ещё раз!левой!левой!

Эйра шагнула. И споткнулась. Нога подвернулась на неровной плите, и она рухнула на камень. Планер, который ей выдали со склада — старая учебная модель, тяжёлая и неудобная, — громыхнул за спиной.

Тишина.

А потом — смех.

— Генеральская дочка даже ходить не умеет, — раздался ленивый голос. — А воевать, значит, собралась?

Кастор Вейл стоял в соседней шеренге, скрестив руки на груди. Его чёрное крыло было сложено, стальной протез тускло блестел в утреннем свете. Шрам через всё лицо. И усмешка — та самая, которую Эйра уже видела вчера на площади.

Хохот прокатился по строю. Кто-то присвистнул. Кто-то крикнул: «Вейл, ты её уже второй раз роняешь!»

Эйра поднялась. Щёки горели. Колено саднило. Она вытянулась в струнку, глядя прямо перед собой. Она не смотрела на Кастора — смотрела на Галеаса.

— Тишина! — рявкнул центурион.

Смех оборвался не сразу. Ещё пара секунд — и тишина.

Галеас подошёл к Эйре. Остановился напротив.

— Кадет Вейн. Почему вы упали?

— Споткнулась, сэр.

— Я вижу, что споткнулись. Я спрашиваю: ПОЧЕМУ.

Эйра молчала. Что тут скажешь? «Я не умею ходить строем, потому что всю жизнь ходила по тросам над пропастью и там было не до маршировки»? «Я не умею маршировать, потому что меня никто не учил»?

— Десять кругов по плацу после занятий, — произнёс Галеас. — Может, научитесь ставить ноги.

— Есть, сэр.

Он развернулся и пошёл дальше. Эйра продолжала стоять навытяжку. Краем глаза она видела, как Кастор всё ещё смотрит на неё. Усмешка исчезла с его лица. Теперь он выглядел... задумчивым. Словно что-то в ней его заинтересовало.

Эйра не знала, что именно. Но ей это не нравилось.

Глава 7. Урок истории

После строевой подготовки, когда мышцы ещё ныли от бесконечных отжиманий на краю плаца, а колени дрожали после десяти штрафных кругов, первый курс отправили в учебный корпус.

Учебный корпус находился в восточном крыле Цитадели — длинное трёхэтажное здание из белого камня, примыкавшее к главной башне. Его построили сто пятьдесят лет назад, при третьем Главнокомандующем, и с тех пор он почти не изменился. Широкие коридоры с высокими сводами освещались магическими кристаллами в бронзовых оправках — каждый кристалл стоил больше, чем Эйра зарабатывала за год. Стены были увешаны старыми картами Архипелага (некоторые — ручной работы, на коже, с выцветшими чернилами), портретами знаменитых военачальников в тяжёлых золочёных рамах и стендами с образцами оружия разных эпох. Под потолком висели знамёна двенадцати великих домов — Дом Астралис (серебряная звезда на чёрном поле), Дом Вэлор (золотой сокол на синем), Дом Навигаторов (скрещённые крылья), Дом Инженеров (молот и шестерня) и другие, чьи названия Эйра ещё не запомнила. Знамёна были старыми, выцветшими, но всё ещё величественными — ткань, которая помнила времена основания Архипелага.

По коридорам сновали кадеты — старшие курсы, которые

уже привыкли к этому месту и передвигались легко, почти лениво. Они скользили взглядами по новичкам с тем особым выражением превосходства, которое бывает только у тех, кто прошёл через ад и выжил. Одна старшекурсница с серебряными крыльями — Селена, как позже узнала Эйра, — прошла мимо, даже не взглянув на неё. Её лицо было безупречным, как фарфоровая маска.

Аудитория для первого курса находилась на втором этаже — просторный зал с рядами деревянных скамей, расположенных амфитеатром. Скамьи были старые, отполированные сотнями тел за десятилетия, с вырезанными на спинках именами и неприличными рисунками. Парт не было — кадеты писали на дощечках, которые носили с собой. За кафедрой у дальней стены висела огромная карта Архипелага — от Сияющего Предела наверху до Отбросов в самом низу, с отметками всех крупных островов, торговых путей, запретных зон и мест сражений. Карта была магической: границы островов слегка мерцали, показывая их дрейф, а красные точки отмечали зоны турбулентности.

Над картой висел герб Небесной Стаи — серебряная птица на синем поле, с распростёртыми крыльями и тремя звёздами над головой. Под гербом была выгравирована надпись на Древнем Наречии: «Небеса не терпят слабости». Эйра прочитала её без труда — мать научила.

Кадеты расселись. Эйра оказалась между Зефир и Корвусом. Слева от неё Зефир тут же достала из сумки яблоко и

принялась грызть, не обращая внимания на косые взгляды. Справа Корвус раскладывал на коленях какие-то шестерёнки — он всегда что-то чинил, даже на лекциях. Плеяда сидела на ряд выше, прямая как струна, и её полупрозрачные крылья мерцали в свете кристаллов. Рядом с ней пристроился Криль — он достал свою грифельную доску и приготовился записывать. Мирт, как всегда, занял место в углу, у окна, и его серые глаза были устремлены куда-то вдаль.

В аудитории стоял гул — кадеты переговаривались, смеялись, обсуждали утреннюю маршировку и вчерашний Прыжок веры.

— Ты видела лицо Ориона, когда она взлетела? — донеслось откуда-то сзади.

— Он чуть не подавился. Сын Главнокомандующего, а Бескрылая его обставила.

— Не обставила. Просто выжила.

— Для Бескрылой выжить — это уже победа.

Эйра не оборачивалась. Она знала, что говорят о ней. И её это не волновало. Почти.

Дверь открылась, и в аудиторию вошёл Магистр Компас.

Он был немолод — лет пятидесяти, с седыми висками и добрыми морщинами вокруг глаз. Его лицо было обветренным, как у всех, кто много летал, а на левой щеке виднелся старый шрам — не боевой, а такой, какой бывает от неудачного падения в юности. Крылья у него были тёмно-синими, почти чёрными, цвета глубокого неба перед рассветом. Они

были большими — размахом не меньше четырёх метров, — но сейчас плотно сложены за спиной.

Одет он был в тёмно-синюю мантию преподавателя, с серебряной звездой на груди — знаком его звания. В руках он держал старую книгу в кожаном переплёте, а под мышкой — свиток с картами.

В отличие от Галеаса, Компас улыбался. Это была спокойная, немного усталая улыбка человека, который видел многое и давно перестал злиться на мир.

— Доброе утро, кадеты, — произнёс он, подходя к кафедре. — Меня зовут Магистр Компас. Я преподаю навигацию, звёздное дело и историю Архипелага. Последнюю многие из вас считают скучной. Я постараюсь доказать обратное.

Он положил книгу на кафедру, раскрыл её — страницы были старыми, пожелтевшими, с рукописными пометками на полях.

— Кто из вас знает, с чего началась история Архипелага?

Тишина. Несколько рук поднялось — в основном аристократы с передних рядов. Компас указал на одного из них — светловолосого юношу с белыми крыльями, сидевшего прямо перед кафедрой.

— Кадет?

— Лоренс, сэр. Дом Навигаторов. — Юноша встал. — Великий Разлом. Пятьсот лет назад. Суша раскололась, часть ушла под Облака, часть поднялась в небо. Первые Крылатые основали Архипелаг.

— Верно, — кивнул Компас. — Официальная версия. Садитесь.

Лоренс сел, явно довольный собой. Компас обвёл аудиторию взглядом.

— А теперь я расскажу вам то, чего нет в учебниках.

По аудитории пробежал заинтересованный гул. Даже Корвус оторвался от своих шестерёнок и поднял голову. Плеяда чуть подалась вперёд.

— До Разлома, — начал Компас, — люди жили на Тверди. Так называлась земля — сплошная, огромная, с океанами и континентами. Люди не летали. У них не было крыльев. Они ходили пешком, строили города, возделывали поля, разводили скот. Магии не было — или почти не было. Но потом они нашли Небесный Якорь.

Он сделал паузу, давая слушателям осмыслить.

— Якорь — это артефакт, — продолжил он. — Мы не знаем, кто его создал. Возможно, боги. Возможно, сама земля. Возможно, древняя цивилизация, исчезнувшая задолго до нас. Но он обладал способностью поднимать материю в воздух — огромные массы камня и почвы. Первые Крылатые научились использовать эту силу. Они подняли свои земли в небо и стали жить там.

Он развернул свиток — старую карту, нарисованную на коже. На ней был изображён континент — огромный, цельный, окружённый водой. Эйра никогда не видела такой карты.

— Так выглядела Твердь, — сказал Компас. — До Разлома.

— А что случилось потом? — спросил кто-то из кадетов.

— Война. — Компас свернул свиток. — Каждый хотел получить Якорь. Короли, кланы, маги — все боролись за него. И кто-то — мы не знаем, кто именно, — перегрузил Якорь. Произошёл Великий Разлом. Часть суши взлетела в небо и стала Архипелагом. Часть рухнула вниз, под Облака. Там остались те, кто не умел летать.

В аудитории стало тихо.

— И что с ними стало? — спросила Зефир.

Компас посмотрел на неё.

— Этого мы не знаем, кадет. Официальная позиция Стаи гласит, что под Облаками ничего нет. Что все, кто остался внизу, погибли при Разломе. Но... — он сделал паузу, — есть легенды. Легенды о Тверди. О земле, которая существует до сих пор. О людях, которые выжили и построили новый мир под облаками.

— Это правда? — вырвалось у Эйры.

Компас перевёл взгляд на неё. Долгий, внимательный.

— Этого я не могу вам сказать, кадет Вейн. Потому что, согласно Закону о Тверди, принятому двести лет назад, любое упоминание Тверди как реального места является государственной изменой и карается удалением языка. Или казнью.

Тишина в аудитории стала абсолютной. Даже дыхание, ка-

залось, стихло.

— Поэтому, — продолжил Компас мягче, — я расскажу вам официальную версию. А легенды... легенды вы услышите от тех, кто не боится их рассказывать.

Он закрыл книгу.

— Но запомните одно, — добавил он. — Страх падения держит нас в небе. А вера в то, что внизу ничего нет, делает страх терпимым. Если когда-нибудь эта вера пошатнётся... — он не закончил. — На сегодня всё. Завтра — навигация по звёздам. Принести астрономические таблицы.

Кадеты начали подниматься. Эйра осталась сидеть. Слова Компаса крутились в голове. «Страх падения держит нас в небе». «Вера в то, что внизу ничего нет, делает страх терпимым». Она думала о матери. О дневнике. О карте, которую ещё не нашла — но которая, как она теперь знала, существует.

— Вейн, — окликнул её Компас.

Она подняла голову. Магистр стоял у кафедры, глядя на неё.

— Задержитесь на минуту.

Кадеты выходили из аудитории. Корвус бросил на неё вопросительный взгляд, но она кивнула: «Иди». Зефир сжала её плечо и вышла. Пляда задержалась на секунду, но тоже ушла. Криль вышел последним, закрыв за собой дверь.

Эйра и Компас остались вдвоём.

— Я знал вашу мать, — сказал он негромко.

Сердце Эйры пропустило удар.

— Вы... знали?

— Лорна Вейн была моей ученицей. — Компас смотрел на неё. — Она была лучшей. Самый острый ум, который я видел за сорок лет преподавания. Она задавала те же вопросы, что и вы. Искала те же ответы. — Он помолчал. — Я не знаю, жива ли она. Но если вы хотите найти ответы — ищите в Архиве. Третий ярус, секция «Ограниченный доступ». Там есть документы, которые не вошли в учебники.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что я устал бояться, — сказал Компас. — И потому что ваша мать заслужила, чтобы кто-то продолжил её дело.

Он развернулся и вышел из аудитории. Эйра осталась стоять, глядя на закрытую дверь.

Глава 8. Столовая

Столовая Академии помещалась на нижнем уровне главной башни — огромный зал с каменными сводами и узкими окнами, выходящими на Облачное Море. Зал был построен, чтобы вмещать до трёхсот человек одновременно: длинные деревянные столы, тяжёлые дубовые скамьи, высокие своды, усиленные магическими балками. Окна — высокие, стрельчатые, с цветными витражами, изображавшими сцены из истории Архипелага: Первое Парение, основание Академии, битву при Восточном Фронте. В солнечные дни витражи бросали на пол разноцветные блики. Сегодня солнца не было.

Утро началось с дождя, и за окнами клубился туман — густой, почти осязаемый, подсвеченный бледным светом Аэры. В зале пахло кашей, подгоревшим маслом, мокрым камнем и чем-то ещё — едва уловимым, сладковатым запахом магических консервантов, которыми обрабатывали еду, чтобы она не портилась в долгих полётах.

Эйра вошла и встала в очередь. Она была одной из первых — после утреннего построения и десяти штрафных кругов по плацу (наказание Галеаса за опоздание) ей хотелось только одного: сесть, съесть что-нибудь горячее и ни о чём не думать хотя бы десять минут.

Очередь двигалась медленно. Перед Эйрой стояли трое

Оперенных с синими крыльями — они обсуждали вчерашний Прыжок веры и то и дело оглядывались на неё. Она делала вид, что не замечает.

Раздача еды происходила у длинного прилавка, за которым стояли Бескрылые слуги в серых фартуках. Слуги были единственными Бескрылыми в Академии, кроме неё — и они не были кадетами. Они были обслугой. Эйра встречалась с ними взглядами каждое утро, и каждый раз чувствовала странную смесь родства и отчуждения. Они были такими же, как она, но они сдались. Приняли свою роль. Она — нет.

На прилавке стояли большие металлические котлы с кашей, корзины с хлебом, кувшины с водой и молоком, тарелки с сыром и сушёным мясом. Порции были стандартными — кадет не мог попросить добавки, — но достаточными, чтобы поддерживать силы.

Эйра взяла миску овсянки — густой, с комками, сдобренной каплей масла и щепоткой соли, — ломоть чёрствого хлеба (сегодняшний, видимо, ещё не испекли), кружку воды и кусок сыра. Сыр был солёный, с голубыми прожилками плесени — такой делали на Четвёртом ярусе, в сыроварнях у Восточного моста, где работала семья Корвуса до того, как разорилась. Эйра знала этот вкус с детства. Он напоминал ей о доме — не о том доме, где она жила сейчас, а о том, где она была маленькой и где мама ещё была рядом.

Она пошла к дальнему столу, который они негласно оккупировали с первого дня. Там уже сидели Корвус, Криль и

Плеяда.

— Доброе утро, командир, — сказал Корвус, пододвигая ей свободный табурет. Его рыжие волосы торчали во все стороны, на щеке красовалось масляное пятно — он, видимо, уже успел заглянуть в мастерскую перед завтраком. — Как самочувствие?

— Отвратительно.

— Это нормально. После десяти кругов всегда отвратительно. Я в прошлом году после такого неделю хромал. — Он откусил хлеб. — Галеас — садист.

— Галеас — ветеран, — поправила Плеяда, не отрываясь от книги. — Он не садист. Он просто считает, что дисциплина спасает жизни.

— И поэтому он заставляет нас отжиматься на краю пропасти?

— Да. Чтобы ты привык не бояться края.

Корвус фыркнул, но спорить не стал.

Эйра села и принялась за кашу. Криль молча подвинул к ней кусок хлеба со своего подноса — он всегда так делал, каждое утро, и она перестала спорить после третьего раза. В ответ она подвинула ему половину своего сыра. Это был их безмолвный ритуал.

Плеяда сидела с краю, отодвинув тарелку, и читала книгу в потёртом кожаном переплёте. Её завтрак — нетронутая каша и кружка воды — остывал на столе.

— Что читаешь? — спросила Эйра.

— «Трактат о стихийных взаимодействиях», — ответила Пляда, не поднимая глаз. — Здесь есть глава о конфликте воздушной и земной магии. Я пытаюсь понять, почему мои крылья нестабильны. Возможно, во мне есть немного земной магии — от матери, — и она конфликтует с воздушной.

— Помогает?

— Нет. Но я хотя бы чувствую, что делаю что-то полезное.

— Ты всегда делаешь что-то полезное, — сказала Эйра.
— Даже когда читаешь.

Пляда наконец подняла глаза. В них мелькнуло что-то — то ли удивление, то ли благодарность. Она не привыкла к комплиентам.

За соседними столами гудела толпа. Кадеты обсуждали утренние события:

— ...ты видел, как она взлетела? Без крыльев! Говорят, это гравитационная магия...

— ...да ну, чушь. Бескрылые не могут колдовать. У них нет магического резерва...

— ...а я говорю, Альцион знает. Он на неё так смотрел на церемонии. Как будто ждал...

— ...дочь предателя. Что с неё взять. Отец был изменником, и она такая же...

Эйра не реагировала. Она привыкла. Слова стирались, как старые монеты, которые слишком долго держали в руках. «Дочь предателя», «Бескрылая», «Технар» — они не имели значения. Имело значение только то, что она собиралась

делать дальше.

— Не обращай внимания, — тихо сказала Зефир, которая только что подошла с подносом. Она села рядом с Эйрой. Её пушистые крылья были слегка влажными от дождя.

— Я не обращаю.

— Врёшь. — Зефир улыбнулась. — Но это нормально. Я бы тоже обращала.

— Ты вообще не умеешь врать, Зефи, — заметил Корвус. — У тебя всё на лице написано.

— И хорошо. Зачем мне врать? Я — пушистая. Мне можно.

Эйра невольно усмехнулась. С Зефир было легко. С ней не нужно было притворяться.

Она доела кашу, допила воду и встала, чтобы отнести поднос. И тут кто-то задел её плечом.

Не случайно. Сильно. С расчётом.

Поднос вылетел из рук. Миска грохнулась на пол — не разбилась, но остатки каши разлетелись серой кляксой по каменным плитам. Кружка покатилась под стол, звеня, и остановилась у ноги какого-то кадета. Сыр упал в лужу воды.

Эйра подняла глаза.

Кастор Вейл стоял перед ней.

Он был выше на голову. Его чёрное крыло было сложено, но всё равно занимало много места. Стальной протез тускло блестел. Шрам через всё лицо — от виска, через переносицу, до челюсти — в свете масляных ламп казался грубее, чем

обычно. Тёмно-серые глаза смотрели с ленивым презрением. На его собственном подносе всё было в порядке: каша, хлеб, сыр, кружка воды. Ни капли не пролито.

— Смотри, куда идёшь, Технарь, — сказал он.

Громко. Так, чтобы слышали все за ближайшими столами.

По залу прокатился смех. Кто-то присвистнул. Кто-то крикнул: «Вейл, ты её уже который раз роняешь!» Кто-то добавил: «Может, ей табличку повесить? Осторожно, Бескрылая!»

Эйра смотрела на него. Секунду. Две. Три.

Она могла ответить. Могла закричать. Могла ударить — у неё были сильные руки механика, и она знала, куда бить, чтобы было больно. Но она знала: именно этого он и ждёт. Он питается реакцией. Если она ответит — он победил.

Она опустила на корточки и начала собирать осколки.

— Эйра! — к ней бросилась Зефир. — Ты цела? Я всё видела! Это он специально!

— Я знаю, — сказала Эйра, подбирая последний осколок миски.

Корвус, Пляда и Криль уже поднялись со своих мест и шли к ней. Корвус подхватил уцелевшую кружку. Криль молча собирал хлеб и сыр — его лицо было спокойным, но движения выдавали сдерживаемый гнев. Пляда стояла чуть в стороне, и её лицо было бледнее обычного. Она смотрела вслед Кастору с выражением ледяного презрения.

Кастор постоял ещё секунду, словно ждал ответа. Потом

развернулся и пошёл к своему столу — туда, где сидели старшие кадеты и где никто не смел занимать место рядом с ним.

— Ты правильно сделала, — сказала Пляда негромко, когда он отошёл достаточно далеко. — Он этого и добивается — реакции. Он питается вниманием. Как все люди, которые ненавидят себя.

— Это унизительно, — тихо сказала Эйра, поднимаясь.

— Да. Но ты выиграла.

— Что?

— Ты не ответила. Он ждал крика, а получил тишину. — Пляда посмотрела на неё долгим взглядом, и в её глазах было что-то похожее на уважение. — Иногда тишина — это самое громкое оружие. Моя мать говорила мне это. Она была права.

Криль протянул Эйре записку. Она развернула:

«Ты сильнее. Он знает это. Поэтому бесится. Ты — угроза, а он не привык к угрозам».

Эйра прочитала. Скомкала записку. Сунула в карман.

— Спасибо, — сказала она. — Всем.

Она села обратно на своё место. Есть больше не хотелось, но она заставила себя взять кусок хлеба у Корвуса и съесть его. Силы понадобятся. Впереди был долгий день.

За другим столом, в дальнем конце зала, Кастор Вейл сидел один. Он не смотрел в её сторону. Но Эйра заметила: его спина была слишком прямой. Плечи — слишком напряжёнными. И он не притронулся к еде. Его поднос стоял нетро-

нутым, каша остывала, хлеб лежал несъеденным. Он просто сидел и смотрел в стену.

Она не знала, что это значит. Злость? Стыд? Что-то другое?

Но она запомнила.

И ещё она заметила другое. Когда она подбирала осколки, на неё смотрели. Не только с насмешкой — с интересом. Кто-то из Оперенных, сидевших за соседним столом, кивнул ей, когда она проходила мимо. Кто-то из аристократов отвернулся, сделав вид, что не заметил. А один из старших кадетов — высокий, с золотыми крыльями, Орион, — смотрел на неё с откровенной враждебностью.

Столовая жила своей жизнью. И Эйра была частью этой жизни — нравилось ей это или нет.

Глава 9. Отряд отверженных

К концу второй недели их разбили на отряды.

Это произошло в Зале Построений — длинном помещении с каменными сводами и огромными картами Архипелага на стенах. Зал находился в западном крыле Цитадели и использовался только для официальных церемоний: распределения, присяги, оглашения приказов. Стены здесь были украшены не портретами, а боевыми знамёнами — настоящими, пробитыми в сражениях, с обгоревшими краями и пятнами крови. Под каждым знаменем висела табличка с названием битвы и именами погибших. Эйра читала их, пока ждала своей очереди: «Битва при Восточном Фронте», «Осада Грозных Пиков», «Кампания Чистого Неба». Последняя была той самой, в которой уничтожили клан Кастора.

В центре зала висела магическая доска — огромный прямоугольник из тёмного обсидиана, на котором высвечивались списки имён. Буквы появлялись сами собой, начертанные невидимой рукой, и исчезали, когда офицер проводил по ним ладонью. Кадеты первого курса стояли вдоль стен, ожидая своей участи. Многие нервничали. Распределение в отряд определяло всё: с кем ты будешь тренироваться, с кем проходить испытания, кто будет прикрывать тебе спину. В элитные отряды попадали лучшие. В резерв — все остальные.

Галеас стоял у доски. Его стальные крылья были плотно сложены. Единственный глаз обводил строй.

— Кадеты, — произнёс он. — Сегодня вы будете распределены в отряды. Отряд — это ваша боевая единица на всё время обучения. Вы будете тренироваться вместе, сражаться вместе, проходить испытания вместе. Отряд важнее курса. Отряд важнее друзей. Отряд — это ваша стая.

Он сделал паузу.

— Первыми формируются элитные отряды.

И начал зачитывать имена.

«Серебряный Вихрь» — отряд Арктура — получил лучших. Белые и серебряные крылья, отличников строевой подготовки, наследников аристократических родов. Арктур стоял впереди своего отряда, и его серебряные крылья сияли в свете магических кристаллов. На его лице была лёгкая улыбка — спокойная, уверенная.

— Смотрите, — шепнула Зефир, стоявшая рядом с Эйрой. — Он даже улыбается красиво. Как на портрете.

— Портреты не бьют по лицу, — тихо ответила Эйра.

Зефир подавилась смешком.

«Золотая Гвардия» Ориона получила почти то же самое, но с упором на боевую магию. Орион выглядел довольным — его отряд был самым мощным в наступательном плане. Золотые и янтарные крылья, наследники военных династий, лучшие дуэлянты курса.

А потом начали зачитывать списки «резерва». Те, кто не

попал в элиту.

— Корвус.

Он вздохнул, переглянулся с Эйрой и пошёл к своему месту в строю. Его маленькие серые крылья подрагивали.

— Плеяда Астралис.

Она выпрямилась, как от удара. Её полупрозрачные крылья дрогнули. Для дочери Дома Астралис попасть в резерв было публичным унижением. Но она пошла — с высоко поднятой головой, глядя прямо перед собой.

— Криль.

Он молча кивнул и занял место в строю.

— Зефир.

Та улыбнулась — немного нервно — и встала рядом с Плеядой.

— Мирт.

Тихий, незаметный Мирт скользнул к строю, как тень.

— Вейн.

Эйра шагнула вперёд. По залу пробежал шепоток.

— Бескрылая в резерве? Сюрприз.

— А куда её ещё? В элиту?

— Она и до резерва-то не дотягивает.

Галеас поднял голову от списка.

— Отряд номер двенадцать, — произнёс он. — Командир — кадет Вейн.

Тишина. Полная. Даже дыхание, казалось, стихло.

Эйра замерла. Она ослышалась. Она точно ослышалась.

— Сэр? — переспросила она.

— У вас проблемы со слухом, кадет Вейн? Отряд номер двенадцать. Вы — командир. Состав: кадеты Корвус, Зефир, Плеяда Астралис, Криль, Мирт. Покажете, на что способны. Или не покажете. Решать вам.

Он продолжил зачитывать список, а Эйра стояла как громом поражённая. Командир. Она. Бескрылая.

— Поздравляю, — шепнул Корвус, проходя мимо. — Теперь ты нами командуешь.

— Я не просила.

— А кто просил? — хмыкнул он. — Но вообще... я рад, что это ты.

Вечером они собрались в общей комнате общежития. Вшестером. Корвус притащил откуда-то старую карту Архипелага и расстелил на полу. Зефир заварила чай в жестяном чайнике, который хранила под койкой. Плеяда сидела на подоконнике, сложив крылья. Криль стоял у стены, скрестив руки. Мирт, как всегда, занял самый тёмный угол.

Общая комната была маленькой — четыре на четыре метра, с каменными стенами и одним окном, выходящим на внутренний двор. Вдоль стен стояли деревянные скамьи, в центре — стол с исцарапанной столешницей. На столе горела масляная лампа, отбрасывая дрожащий круг света. Пахло чаем, старым деревом и чем-то ещё — сыростью, которая просачивалась сквозь стены.

— Ну вот, — сказал Корвус. — Отряд отверженных.

— Почему сразу отверженных? — возразила Зефир.

— Потому что нас собрали из тех, кто не нужен элите. Я

— механик с куцыми крыльями. Ты — пушистая. Пляда

— аристократка, которую семья слила в резерв. Криль —

немой. Мирт — тихий. И Эйра — Бескрылая. — Он развёл

руками. — Прекрасный расклад. Мы — сброд.

— Мы — команда, — холодно произнесла Пляда, и все

повернулись к ней. Она сидела на подоконнике, прямая как

струна, и её полупрозрачные крылья мерцали в лунном све-

те. — Никто не ждёт от нас побед. Никто не следит за нами.

Никто не воспринимает нас всерьёз. Это делает нас непред-

сказуемыми. А непредсказуемость — это преимущество.

— Это если мы сможем что-то сделать, — заметил Корвус.

— Сможем. Если будем держаться вместе.

Криль написал записку и протянул её Эйре.

«Я с вами. До конца».

Эйра прочитала и передала записку Зефир. Та прочитала

и передала Корвусу. Корвус — Пляде. Когда записка вер-

нулась к Эйре, на ней добавилась ещё одна строчка — твёр-

дым, разборчивым почерком Пляды:

«Мы — стая».

Эйра смотрела на эти два слова. «Мы — стая». Она не

привыкла к такому. К тому, что кто-то хочет быть с ней. К

тому, что кто-то называет её частью стаи. Она привыкла быть

одна — против всех, против ветра, против неба, которое ей

не принадлежало.

— Ладно, — сказала она, сворачивая записку. — Завтра начинаем тренироваться. У нас нет крыльев — почти ни у кого. Значит, будем полагаться на другое. Корвус — механика. Плеяда — стратегия. Зефир — связь. Криль — сила. Мирт...

Она посмотрела на тихого парня в углу.

— Мирт — разведка. Ты умеешь быть незаметным. Я видела тебя в Лабиринте — ты шёл позади всех, но заметил ловушку раньше меня. Как ты это делаешь?

Мирт впервые поднял глаза. В них мелькнуло что-то похожее на удивление.

— Я просто слушаю, командир, — сказал он. Голос у него был тихий, но не робкий. — Люди не замечают того, кого не видят. А я невидим.

— Тогда продолжай слушать. — Эйра обвела всех взглядом. — Мы — отряд N12. Мы — те, кого списали. И мы докажем им, что они ошиблись.

Корвус улыбнулся. Зефир подняла кружку с чаем — безмолвный тост. Плеяда коротко кивнула. Криль стукнул кулаком по столу — один раз, глухо. Мирт просто исчез в тени, но Эйра знала: он здесь. С ними.

Глава 10. Учебная дуэль

На следующее утро их выстроили на Малой Арене.

Малая Арена находилась на южной оконечности острова — круглый амфитеатр, вырубленный прямо в скале. Купола не было — только небо, серое и низкое, обещавшее дождь. По краям, на каменных скамьях, сидели старшекурсники. Для них учебные дуэли были развлечением — они делали ставки, обменивались шутками, жевали сушёное мясо. Сегодня они ждали зрелища.

Арена была усыпана мелким гравием — он хрустел под ногами и смягчал падения. В центре, на возвышении, стоял Галеас. Его стальные крылья были расправлены — редкий случай, — и они ловили ветер, делая его похожим на статую.

— Учебные дуэли, — объявил он. — Правила простые. Бой до трёх касаний или до нокаута. Никакого оружия, кроме крыльев и магии. Никаких ударов в голову после падения. Проигравший отжимается двадцать раз. Вопросы есть? Вопросов нет.

Он развернул список.

— Первая пара! Кадет Орион против кадета Вейн!

Смех. Громкий, откровенный. Эйра услышала, как кто-то на скамьях крикнул: «Ставлю десять чешуек на Ориона!» — «Двадцать!» — «Да кто против Бескрылой-то поставит?»

Эйра сжала зубы и вышла в центр. Гравий хрустел под са-

погами. Ветер трепал выбившиеся из пучка пряди. Она заправила их за ухо и встала напротив Ориона.

Он был выше. Шире. Его золотые крылья были расправлены и сияли, как начищенный металл. Он смотрел на неё с выражением лёгкой брезгливости, как смотрят на насекомое, которое нужно раздавить.

— Готова, Технар? — спросил он негромко, чтобы слышала только она.

Эйра не ответила.

Сигнал.

Орион атаковал мгновенно. Воздушный удар — сгусток спрессованного ветра — швырнул её на камень. Она не успела даже дёрнуться. Дыхание перехватило. Перед глазами поплыло. Гравий впился в ладони.

Она попыталась встать. Второй удар — в плечо. Её отбросило к стене. Камень врезался в спину. Боль прострелила позвоночник.

Старшие на скамьях засмеялись.

— Вставай, — лениво произнёс Орион. — Давай. Ты же дочь генерала.

Эйра поднялась. Шатаясь. Вытерла кровь с губы — она разбила её о камень. Руки дрожали.

— Твой отец был предателем, — негромко, так, чтобы слышала только она, сказал Орион. — И ты такая же. Яблоко от яблони падает в Бездну.

Она бросилась на него.

Глупо. Бескрылая против Крылатого — самоубийство. Но она не думала. Она видела только его лицо, его ухмылку, его золотые крылья. Она врезалась в него всем телом, попыталась ударить в челюсть — и промахнулась. Он перехватил её руку, вывернул, швырнул обратно на камни. Гравий ободрал щёку.

— Достаточно, — произнёс кто-то.

Не Галеас.

Арктур спустился на арену откуда-то сверху — серебряные крылья расправлены, движения плавные и точные. Он встал между Эйрой и Орионом, заслонив её.

— Она под моей защитой.

Орион удивлённо поднял бровь.

— С каких пор, Арк?

— С этой минуты.

Пауза. Орион перевёл взгляд с Арктура на Эйру, всё ещё лежащую на камнях. Потом снова на Арктура. Усмехнулся.

— Как скажешь, капитан. — И отошёл.

Арктур повернулся к Эйре. Протянул руку. Она посмотрела на его ладонь — белую, чистую, без единой мозоли — и приняла помощь.

— Ты в порядке?

— Да. — Она вытерла губу. Кровь всё ещё текла.

— Не стоило на него бросаться. Орион — придурок, но он силен. — Арктур чуть улыбнулся, и улыбка у него была тёплая, почти нежная. — Но смелость — это тоже оружие. Не

слушай их. Держись меня, Эйра Вейн. Я не дам тебе упасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.